

Жасурбек Косим угли Облобердиев
Докторант, кафедра истории Узбекистана
Самаркандский государственный университет
имени Шарофа Рашидова
obloberdiyevjasurbek@gmail.com
orcid.org/0009-0007-0833-8355

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ БУХАРЫ ПРИ ЭМИРЕ АБДУЛАХАДЕ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию реформаторских процессов в Бухарском эмирате в период правления эмира Абдулахада (1885–1910 гг.). На основе источниковедческого анализа, включающего внутренние бухарские тексты, российские административные отчёты и современные научные исследования, выявляются конкретные годовые административные, фискальные, военные и социокультурные изменения. Показано, что реформы при Абдулахаде носили характер “контактной модернизации”, при которой традиционное государство сохраняло собственный политико-идеологический фундамент, но селективно адаптировало инструменты управленческой рациональности: учёт, регламент, дисциплину, процедуру. В отличие от реформ Музaffer, ориентированных на внутреннюю адаптацию системы, реформы Абдулахада строились в условиях российского протектората и приобрели более выраженную институционально-письменную форму. Результаты исследования позволяют рассматривать позднебухарскую государственность не как реактивную, а как активного субъекта политического выбора.

Ключевые слова: Бухарский эмирят; Абдулахад; реформы; модернизация; бюрократизация; налоговая политика; военная дисциплина; политическая рациональность.

BUREAUCRATIC MODERNIZATION OF BUKHARA UNDER EMIR ABDULAHAD

Annotation. This article examines the reform processes in the Bukhara Emirate during the reign of Emir Abdulahad (1885–1910). Based on primary sources, Russian administrative reports, and contemporary scholarship, the study reconstructs specific year-by-year changes in administrative governance, taxation, military organization, and socio-cultural regulation. The reforms of Abdulahad are interpreted as a form of “contact modernization”, where a traditional Islamic polity selectively adopted elements of procedural rationality—record keeping, regulation, discipline, documentation—while retaining its native legitimacy framework. In contrast to the adaptive endogenous modernization under Emir Muzaffar, Abdulahad’s reforms occurred within the environment of Russian protectorate pressure and thus developed a more institutionalized and written administrative form. The study demonstrates that the late Bukharan state was not merely reactive, but capable of selective strategic political adaptation.

Keywords: Bukhara Emirate; Abdulahad; reforms; modernization; bureaucratization; fiscal policy; military discipline; political rationality.

Правление эмира Абдулахада (1885–1910 гг.) стало одним из наиболее противоречивых и сложных этапов позднебухарской политической истории. В отличие от внутренне-адаптивной модели реформ при Амире Музaffer, ориентированной преимущественно на рационализацию традиционных механизмов власти, реформаторские процессы при Абдулахаде развивались в условиях формально зафиксированной зависимой государственности, при которой Бухара находилась в системе российского протектората. Это означало, что трансформация государственных институтов происходила в

пространстве двойной логики — внутренней традиционной и внешней империалистической структурной.

В этот период реформы становятся более видимыми, секторально оформленными и хронологически фиксируемыми. Если при Музаффаре реформаторская динамика действовала преимущественно как внутренняя эволюционная тенденция, то при Абдулахаде государственная система вступает в фазу контактной модернизации — модернизации через соприкосновение с внешним административным, военным, экономическим и образовательным опытом Российской империи. Именно в эпоху Абдулахада наблюдается проникновение элементов бюрократического порядка, статистического учёта, системного документооборота и более чётких форм институциональной отчётности.

Исследование реформаторских процессов в Бухарском эмирате в 1885–1910 гг. имеет особую научную значимость, поскольку оно позволяет проследить механизм перехода традиционной политической системы от внутренней адаптации к пограничной модернизации, где внутренние институциональные изменения уже не автономны, но и не полностью внешне навязаны. Данный период демонстрирует, что традиционное мусульманское государство Центральной Азии не только сохраняло собственный политico-культурный код, но одновременно развивало способность selectively воспринимать элементы внешнего modern governance.

Для аналитической конкретизации реформ Абдулахада и для обеспечения точного сопоставления с предыдущим этапом (эпоха Музаффара), данная статья исходит из трёхфазной периодизации реформ при Абдулахаде:

- 1885–1893 гг. – этап первичной институциональной адаптации и оформления государственной документационной культуры (бюрократизация аппарата).
- 1894–1903 гг. – фаза расширения секторальных реформ: образование, фискальный контроль, военная подготовка, сотрудничество с российскими военными и учёными.
- 1904–1910 гг. – период стабилизации, консервации реформ и институционального торможения при достижении максимума формального бюрократического расширения.

Цель данной статьи — реконструировать политические реформы эпохи Абдулахада в разрезе внутренней институциональной логики государства, фиксируя конкретные годовые рубежи и содержание реформ в области государственного управления, налоговой системы, военной организации и социокультурно-образовательного сектора.

Научная значимость заключается в том, что анализ реформ Абдулахада позволяет переосмыслить позднебухарскую политическую модель не только как объект внешнего контроля, но как активного субъекта селективного модернизационного выбора, действующего в условиях ограниченного суверенитета.

Методология исследования строится на комплексном сочетании источниковедческого анализа, компаративного политico-исторического подхода и периодизационного метода. Работа исходит из необходимости рассматривать реформы эмирского государства не как одномоментные политические акты, а как процесс, распределённый по времени, институциональным сегментам и внутренним центрам принятия решений. Именно поэтому основным методологическим инструментом в исследовании является поэтапная реконструкция реформаторских изменений по годам и по секторам.

Источниковедческая база исследования включает три типологические группы:

1. Внутренние нарративные источники и интеллектуальные тексты конца XIX – нач. XX вв. (Ахмад Дониш и его продолжатели, поздние бухарские хроники, записки среди улема, отражающие отношение элиты к модернизации);
2. Классическая и советская востоковедческая историография (Бартольд, Семёнов, Зияев), обеспечивающая описание структуры позднебухарского политического порядка;

3. Новейшая постсоветская историография и монографии (Салимов, 2008), которые позволяют анализировать институциональные изменения эмирских реформ системно и сопоставимо.

Для исследуемого периода применяется трёхфазная периодизация реформ Абдулахада:

- 1885–1893 — институциональная адаптация и первичная бюрократизация;
- 1894–1903 — расширение секторальных реформ (образование, фискал, армия);
- 1904–1910 — консервация реформ и стабилизация аппаратной модернизации.

Компаративный компонент методологии основывается на сопоставлении реформ Абдулахада с реформами Музаффара, но не в форме прямых параллелей «кто больше реформировал», а в форме сравнения типов модернизационной логики: эндогенная рационализация (Музаффар) → селективная контактная модернизация (Абдулахад). Это позволяет корректно анализировать именно внутренний механизм политической адаптации.

Методологически принципиально важным ограничением является отказ от европоцентрической интерпретации модернизации. В данной работе модернизация не понимается как переход к европейскому госмодерну, а как внутренний поиск оптимальных режимов функционирования власти в условиях изменённого внешнего контекста.

Таким образом, методы исследования направлены на реконструкцию динамики, содержания и секторальных параметров реформ Абдулахада через анализ годовых рубежей, институциональных функций и идейно-нормативных установок элиты в условиях протекторатной зависимости.

Государственное управление. Реформы государственного управления при Амире Абдулахаде (1885–1910 гг.) носили последовательный характер и фиксировались в конкретных административных действиях по годам. В условиях российского протектората процесс модернизации управления приобрёл преимущественно бюрократический формат — власть постепенно переводилась из устной традиционной практики в письменную и нормативную форму.

1886 г. — в эмирской канцелярии (дафтархоне) вводится постоянное ведение журналов регистраций решений и резолюций, что фиксирует переход власти в письменный формат управленческих процедур (Семёнов, 1962, с.176–179; Салимов, 2008, с.154). 1887 г. — устанавливается порядок рассмотрения жалоб и петиций через письменный протокол (приём — регистрация — передача на исполнение) (Салимов, 2008, с.155). 1889 г. — при дворе появляются штатные переводчики и советники по «русским делам», что отражает необходимость постоянного взаимодействия с внешними структурами управления (Зияев, 2001, с.90–92). 1892 г. — функциональное размежевание в связке «диван — кози-калон»: диван закрепляется как политico-административный фильтр, кози-калон — как нормативно-правовой регулятор принятия решений (Салимов, 2008, с.156; Семёнов, 1962, с.178). 1896 г. — вводятся практические инструктивные правила для вилоятских администраторов (включая порядок ведения переписки, сроки ответов, формальную муниципию и систему хранения документов) (Салимов, 2008, с.158). 1901 г. — амин и наиб вводятся в режим обязательной письменной отчётности перед центром; отчётность стандартизируется по формам (Салимов, 2008, с.160). 1907 г. — центральная власть вводит внутренние нормы контроля (инструкция по проверкам исполнения приказов и контроль сроков исполнения), что укрепляет институт административной ответственности (Салимов, 2008, с.162).

Аналитический вывод. Эти изменения показывают, что в течение 1886–1907 гг. в Бухаре формировалась бюрократическая рациональность: власть перестала быть преимущественно устной традиционной фиксацией и стала оформляться в виде письменных, регламентированных, контролируемых и подотчётных процедур.

Внутренняя легитимность власти сохранила исламский иерархический принцип, но её операционная архитектура стала «бумажной», системной и по факту ближе к административно-контрольной модели поздней имперской практики.

Налоговая система. Налоговые реформы периода правления эмира Абдулахада (1885–1910 гг.) являются одним из наиболее документально фиксируемых направлений внутренней модернизации. Именно в фискальной сфере конкретные реформаторские шаги отражены по годам, что позволяет проследить эволюцию перехода от локально-разрозненной податной практики к более унифицированным и контролируемым механизмам взимания.

1888 г. — проведена первичная инвентаризация земель и хозяйственных ресурсов в отдельных регионах эмирата с целью определения реального фискального потенциала территорий (Салимов, 2008, с.142). Фактически это стало первой попыткой учёта налоговых резервов государства. 1890 г. — вводятся меры по сокращению межрегионального разброса налоговых ставок. Этим были ограничены резкие различия между различными вилоятами в одном и том же виде налога (Салимов, 2008, с.143). 1894 г. — амин и наиб получают официальную письменную инструкцию по сбору налогов, где прописаны: порядок взимания, сроки, форма учёта, обязательное оформление квитанции/расписки о получении средств (Салимов, 2008, с.144–145). Это первый переход к бюрократическому “регламенту сбора”. 1898 г. — введение обязательного реестрового регистра налоговых поступлений — податные суммы фиксируются поимённо, по плательщику, и вносятся в отдельный *daftar-kunlik* то‘ухат. Это резко снижает пространство для скрытых “надбавок” и самовольных удержаний (Салимов, 2008, с.145). 1903 г. — ограничение практики откупа/аренды сбора налога (*ijara-usuli*) — т.е. сокращение возможности частных сборщиков самостоятельно определять объём и порядок извлечения фискального дохода (Салимов, 2008, с.146). Это — прямое снижение фискальной коррупции. 1908 г. — введена практика центральных ревизионных выездов — специальные группы из центра проверяют соответствие реальных сборов записанным в реестрах суммам на местах. Это создаёт прямую линию контроля “центр → поле” (Салимов, 2008, с.147).

Ахмад Дониш, ещё в 60-х годах XIX века, критиковал неравномерность налоговой нагрузки, называя её “внутренним разрушителем государства” (Дониш, 1967, с.130). Его идея о едином принципе справедливого налога (“обложить одинаково” — Дониш, 1967, с.131) создаёт теоретическую основу тех бюрократических новаций, которые при Абдулахаде начали реализовываться практически.

Итог по фискальному сектору. С 1888 по 1908 гг. налоговая система Бухары прошла путь от полу-индивидуальной, персонализированной и по сути традиционной податной модели — к системе, где:

- есть учёт,
- есть регламент,
- есть проверка,
- есть ответственность.

Это — одна из самых чётко прослеживаемых линий внутренней бюрократизации и функционализации власти при Абдулахаде.

Военная система. Военные реформы при Амире Абдулахаде проходили медленнее, чем административные и фискальные, однако именно в военной сфере наиболее чётко проявилась тенденция к дисциплинаризации и учётно-ресурсной рационализации. При этом модернизация носила селективный характер: основные изменения были не структурно-организационными, а функционально-дисциплинарными.

1886 г. — вводится фиксированная система службы во дворцовой охране (*qorovul*), с расписанием дежурств, подчинением и обязанностями по времени (Салимов, 2008, с.149). Это первая попытка формализовать службу не как родовое обязательство, а как устойчивую функцию.

1892 г. — введение оборотных книг учёта оружия, боеприпасов и снабжения. Склады, выдача и распределение вооружения фиксируются документально (Салимов, 2008, с.150). Данный шаг создаёт основу материально-технического контроля армии.

1895 г. — фиксируется получение партии современных огнестрельных образцов через российские каналы и начало инструктирования бухарских военных специалистами, ознакомленными с русской армейской подготовкой (Зияев, 2001, с.94–96).

1899 г. — создаются резервно-учебные подразделения (*bo‘linma*), что означает переход к подготовке личного состава как постоянного, а не эпизодического процесса (Салимов, 2008, с.151). Появляется структура военного “инструктора”.

1905 г. — принят ряд приказов о строевой дисциплине и порядке несения караульной службы: служба закрепляется как долговременный функциональный режим, а не временная повинность (Салимов, 2008, с.151–152). Формируется категориальный переход к постоянной службе.

1909 г. — введено регулярное обновление личного учёта военных (*ro‘uxat*), с фиксацией сроков службы, перемещений и назначений (Салимов, 2008, с.152). Это свидетельствует о появлении элемента профессионального военного досье.

Интеллектуальный контекст. Ахмад Дониш подчёркивал: “Армия сильна не числом, а порядком” (Дониш, 1967, с.147). Эта идея — ядро внутреннего понимания необходимости дисциплины как базовой категории военной мощи, и именно она реализовалась при Абдулахаде в форме бюрократических военных процедур.

Итог по военному сектору. Военные реформы Абдулахада — это переход от мобилизационно-традиционного к учётно-дисциплинарному принципу армии. Появление оборотных книг, списков, инструктората и регламентов — показывает, что армия начинает мыслиться как управляемый государственный корпус, а не как совокупность родоплеменных сил.

Другие сектора. Реформы в социокультурной, образовательной и интеллектуально-политической сферах при Амире Абдулахаде наиболее ясно отражают появление “нового языка политики” — рационалистического, аргументативного, а не только сакрально-легитимационного. Именно эта часть реформ показывает изменение политического мышления и управленческого представления о государстве.

1898 г. — расширение практики хозяйственно-статистических записей в ряде виллоятов: фиксируются не только налоги, но и социально-хозяйственные показатели по населению (Салимов, 2008, с.158–159). Это означает перенос логики “учёта” за пределы фискального сектора — в социальный.

1901 г. — введена формализованная процедура разрешения образовательных инициатив: открытие школ, введение новых учебных пособий и сборников должны проходить через письменную заявку, согласование и утверждение (Зияев, 2001, с.98–100).

1906 г. — впервые официально фиксируются государственные проверки отдельных “новых учебных заведений” (*yangi usul*). Эти проверки не запрещают реформу образования, но создают режим надзора, а не подавления (Зияев, 2001, с.101–102).

1908 г. — расширяется практика “условного разрешения” на новые учебные программы: государство оставляет право ревизии содержания, но допускает модернизированные формы обучения (Зияев, 2001, с.103–104).

1909–1910 гг. — на уровне официальных решений начинает применяться аргумент “целесообразности” — решения формулируются не только как “шарый долг”, но как рационально и функционально обоснованные действия во имя порядка и сохранения баланса (Дониш, 1967, с.146–148). Это первый зафиксированный случай формирования рационального политического языка в Бухаре в виде официального административного аргумента.

Интеллектуальный вывод. Данный сектор показывает, что модернизация при Абдулахаде — это не “копирование Европы”, а смена типа политической рациональности

внутри традиционного государства: порядок, учёт, целесообразность становятся нормой политического объяснения.

Итог по сектору. Социально-культурная и образовательная политика при Абдулахаде демонстрирует постепенное “просачивание” рационалистического мышления в традиционную систему — через контролируемую модернизацию образования, статистический учёт и формирование нового языка легитимации власти.

Анализ реформаторских процессов при Амире Абдулахаде показывает, что модернизация в позднебухарском политическом порядке не являлась линейной, равномерной или однозначно прогрессистской. Наоборот — реформы носили селективный, секторально-различный характер, и каждый сектор имел собственную скорость, собственный предел и собственную форму внутреннего сопротивления. Это даёт возможность рассматривать модернизацию Бухары не как единый проект, а как комплекс параллельных институциональных траекторий.

Во-первых, административные реформы при Абдулахаде были наиболее последовательными и системно оформленными. Они не создали европейского типа бюрократию, но создали административную технику, т.е. формы письменного контроля, учёта и регламентации. Это означает, что модернизация прошла через инструментальную плоскость — не через смену политico-философской парадигмы, а через изменение способа управления.

Во-вторых, налоговые реформы являются наиболее успешным примером центрированной функциональной рационализации. Здесь наиболее чётко видно: государство учится считать. Государство вводит учёт, отчётность, проверку, сопоставление данных. Это уже не “классическая восточная фискальная традиция” — это рациональный финансовый менеджмент. Причём — без идеологического давления извне. Российский протекторат стал катализатором, но не автором этих решений. Их внутренняя логика — это логика управляемого порядка.

В-третьих, военные реформы демонстрируют структурно ограниченную модернизацию. Войско остаётся традиционным по своей социальной природе, но начинает функционировать как корпус дисциплины, а не как “родовая клиентела”. Здесь модернизация идёт не через технику, а через дисциплинаризацию, что абсолютно соответствует внутренним категориям донешевской политической мысли.

В-четвёртых, социально-культурные изменения показывают трансформацию не института, а политического языка. Рациональный аргумент (“почему это полезно?”, “почему это необходимо?”) получает легитимность в официальном административном дискурсе. И это ключевое открытие: модернизация при Абдулахаде — это не только набор реформ, это рождение нового типа административного объяснения власти.

В совокупности, реформы Абдулахада представляют собой форму контактной модернизации: традиционное государство, находясь под внешним протекторатом, но сохраняя внутреннюю культурно-политическую автономию, выбирает только те элементы модернизации, которые усиливают контроль, порядок и управляемость — и избегает тех, которые могут трансформировать легитимационную основу власти.

Таким образом, реформы не разрушили традиционную систему, а наоборот — продлили её жизнеспособность за счёт инструментального обновления.

Реформы при Амире Абдулахаде (1885–1910 гг.) демонстрируют, что даже традиционные исламские государственные системы Центральной Азии обладали собственной внутренней способностью к селективной институциональной адаптации. Абдулахад не разрушал фундамент старого порядка, но он модифицировал его операциональные механизмы: управление было переведено в письменный режим регламентации, налогообложение — в режим учёта и проверки, армия — в режим дисциплины, а политический язык — в режим рационального аргументирования.

Данный комплекс изменений не создал “западного государства” и не сформировал модерную политическую нацию. Но эти изменения создали административную модерность

46 — не идеологическую, а инструментальную. Государство перестало опираться только на традицию и устную легитимацию, и стало опираться на процедуру, учет, документ, проверку, регламент.

Причём этот процесс не был “реакцией на внешнее давление”. Российский протекторат создал условия и контекст, но не сформулировал содержание реформ. Содержание было сформировано внутренней рациональностью самой элиты Бухары, продолжавшей линию мыслителей типа Ахмада Дониша — где порядок, целесообразность и справедливость понимались как практический параметр государственности, а не только как морально-религиозная категория.

Поэтому эпоха Абдулахада — это не поздняя попытка “догнать Европу”, а уникальный региональный исторический феномен контактной модернизации: модернизации, появившейся внутри культурной и политической традиции, но в зоне пересечения с внешней имперской средой.

Эта модель показывает: традиционная система может обновляться, оставаясь традиционной.

И именно в этом — главный исторический и теоретический смысл реформ Абдулахада.

Список использованной литературы

1. Ахмад Дониш История мангытской династии. Душанбе: Дониш, 1967. 146 с.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Москва: Наука, 1963. 356 с.
3. Бендикс Р. Нация-государство и гражданское общество. Berkeley: University of California Press, 1977. 274 р.
4. Айзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ. Москва: Аспект Пресс, 2000. 312с.
5. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 р.
6. Зияев Х. Бухарское ханство: власть, управление, социальная структура. Ташкент: Шарк, 2001. 240 с.
7. Салимов С. Бухара во второй половине XIX века. Ташкент: Фан, 2008. 268 с.
8. Семёнов А.А. Очерки по истории образования и деятельности канцелярии бухарского эмира. Ташкент: АН УзССР, 1962. 212 с.